

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА Н. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ X

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

=

1848

IV.

ТРИ МѢСЯЦА ВЪ ПЛѢНУ У ГОРЦЕВЪ.

I.

НОЧНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ. — ВСТРѢЧА СЪ АБАЗИНАМИ. — ПОГОНЯ. —
ПЕРВАЯ БѢДА.

.... Ночь была черна.... вѣтеръ свистѣлъ неистово, Черное море стонало и ревѣло, волнуемое его порывами; раскатившись, могучія волны со стономъ взбѣгали на крутой берегъ, обдавая брызгами прибрежный камышъ.... Небольшой отрядъ нашъ молча подвигался впередъ.... Мы шли ужъ болѣе часу, а непогода не смолкала, и ни одна звѣздочка еще не загоралась на кавказскомъ небѣ. Берегъ изрѣдка освѣщался огнемъ пушечныхъ выстрѣловъ, которыми погибавшій въ виду береговъ русскій военный транспортъ просилъ помощи... Мы шли на его призывъ....

Съ транспорта, терпѣвшаго крушеніе въ нашемъ виду, изрѣдка долеталъ до насъ безтрепетный голосъ лейтенанта, раздавался дружный ободрительный крикъ работающих матросовъ.... Въ виду нашемъ гибли русскіе. Тяжело было смотрѣть на ужасъ ихъ положенія и не имѣть средствъ помочь имъ! Страшно было за нихъ.... Мы молча ждали развязки ужасной драмы, и при каждомъ порывѣ вѣтра сердца наши обливались кровью. Вдругъ знакомые звуки барабана разсыпались мелкою дробью въ ущельи прибрежныхъ скалъ. На цѣпи загудѣли ружейные выстрѣлы. Дерзкіе абазины въ превосходномъ числѣ напали на нашъ отрядъ.

Свѣтало. Хорошо кавказское утро, но теперь намъ было не до природы.... Дѣло въ томъ, что двѣсти человѣкъ должны были выста-

ивать напоръ чуть ли не тысячи враговъ.... Разстрѣлявъ въ ночной перестрѣлкѣ всѣ патроны, мы увидѣли впереди почти неминуемую гибель; поручикъ, командовавшій отрядомъ, предложилъ вызвать двухъ охотниковъ, которые, ускользнувъ отъ вниманія хищниковъ, дали бы знать въ укрѣпленіи о бѣдственномъ положеніи отряда....

Совѣтъ былъ принятъ единодушно, тѣмъ болѣе, что поручикъ В** слылъ между товарищами и подчиненными за отличнаго офицера, столько же знакомаго съ войною, сколько и храбраго....

На вызовъ въ охотники явился я и задушевный мой пріятель прапорщикъ Д*, съ которымъ не одинъ разъ случалось дружески дѣлить и радость и горе.

— Благодарю душевно и радуюсь за васъ, говорилъ добрый поручикъ, пожимая намъ руки: — съ Богомъ!

Положено было съ наступленіемъ ночи приступить къ дѣлу. Между тѣмъ непріятель, прекративъ на время перестрѣлку, казалось, отдыхалъ, готовясь съ новыми силами дружно и быстро ударить на насъ.... Въ ожиданіи ночи, Д* и я, прикрывшись одной буркой, лежали на влажной землѣ; но сонъ, разумѣется, не смыкалъ глазъ нашихъ. Мысли наши были одинаковы: удачу и неудачу предстоящаго риска предстояло намъ дѣлить поровну.

— Не спится... прошепталъ Д*, сбросивъ съ лица ящерицу, которая уже добиралась до его носа. — Ты знаешь, я не трусь: нѣсколько шрамовъ на тѣлѣ, кажется, ясно доказываютъ, что я не бѣгалъ съ поля. Но съ той минуты, какъ вызвался я въ охотники, невыразимая тоска давитъ мою грудь.... Предчувствіе говоритъ мнѣ, что я не вернусь....

Я старался разогнать черныя мысли товарища.

Такъ шло время....

Наконецъ наступила ночь, непогодливая и мрачная, одна изъ тѣхъ, которыхъ у насъ на югѣ зовутъ воробыиными. Среди глубокой темноты изрѣдка, прорѣзавъ черное облако, сверкнетъ зарница, освѣтитъ на мигъ громадные скалы, а тамъ снова все темно и черно.... Простившись съ товарищами, я и Д* молча вышли за цѣпь. Затаивъ дыханіе, поползли мы къ стѣнамъ древняго, разрушеннаго временемъ монастыря; чрезъ развалины его пролегли первые шаги нашего опаснаго пути. За тѣмъ, выбравшись изъ развалинъ обители, положили мы взять направо по кособору, и поднявшись на вершины скалъ, миновать пропасти, а наконецъ спуститься на береговую дорогу, уже обойдя за валы и ущелья, въ которыхъ застѣли горцы. Планъ нашего пути почти можно было назвать возможнымъ; вся трудность его исполненія состояла въ томъ, чтобы до разсвѣта быть на высотѣ скалъ. Опасныя тропинки надъ пропастями не пугали насъ: мы оба были привычны къ горнымъ дорогамъ и проворны какъ бѣлки....

— Боже мой! прошепталъ Д***. — Кажется, мы ошиблись, принявъ въ темнотѣ другое направленіе.

— Да, отвѣчалъ я: — вотъ ужь сполчася, какъ мы быстро двигаемся впередъ, а монастырь словно уходитъ отъ насъ.

— Чтожь намъ дѣлать?

Вдругъ зарница, ярко сверкнувъ на полуночномъ небѣ, указала намъ въ двухъ шагахъ мрачныя, поросшія мхомъ развалины монастыря....

— Вотъ онъ!... вскричалъ я съ восторгомъ.

— Тс!... что ты?... шепнулъ Д***, усердно толкнувъ меня подъ бокъ. — Вспомни, что если мы будемъ говорить громко, такъ, пожалуй, насъ заставятъ прикусить языкъ навсегда.

Не желая лишиться языка, который доставлялъ мнѣ въ жизни иногда пріятныя минуты, я замолчалъ. Вскинувъ на плечи ружья и ощупывая одною рукою сырую монастырскую стѣну, мы подвигались впередъ осторожно и въ глубокомъ молчаніи. Чрезъ полчаса труднаго пути по неровному и ветхому полу достигли мы безъ всякаго приключенія амбразуры окна, которое, по нашимъ расчетамъ, выходило на косогоръ. Д*** взглянулъ туда и тотчасъ же быстро отскочилъ.

— Что тамъ? спросилъ я.

— Тс!...

Онъ приложилъ указательный палецъ къ губамъ, а другою рукою указалъ мнѣ на окно.

Съ величайшею осторожностію просунулъ я голову въ отверстіе окна, и глазамъ моимъ представилась картина не слишкомъ отрадная: около костра горящихъ головней сидѣло человѣкъ восемь горцевъ.

Затаивъ дыханіе, мы взвели на всякой случай курки нашихъ ружей и осторожно опустились на полъ, поросшій мхомъ и травою....

— Удивляюсь, прошепталъ я: — какъ шелестъ нашихъ шаговъ не обратилъ вниманія чуткихъ абазиновъ!

— Тсс!... отвѣчалъ мой товарищъ: — будемъ ждать удобной минуты... вѣдь не приросли же они къ землѣ... уйдутъ когда-нибудь... а до тѣхъ поръ молчаніе!

Кивнувъ въ знакъ согласія головою, я прислонился къ сырой стѣнѣ и сталъ зѣвать, по временамъ сбрасывая съ своего платья неучтивыхъ жабъ и ящерицъ.

Около часу прошло въ томительномъ и напрасномъ ожиданіи: говоръ не умолкалъ подъ окномъ, и струя табачнаго дыму, доносимая до насъ вѣтромъ, свидѣтельствовала о присутствіи абазиновъ.

— Спишь?... едва внятнымъ шопотомъ окликнулъ меня товарищъ.

— Нѣтъ.

— Ну, братъ!... Вообрази, что я подслушалъ изъ разговора нашихъ сосѣдей....

Нужно замѣтить, что Д*** почти пять лѣтъ прожилъ въ Анапѣ и понималъ нѣсколько по-абазински.

— Что такое? спросилъ я быстро.

— Эти отчаянные разбойники рѣшились сегодня ночью, прокравшись монастыремъ, ударить врасплохъ на нашъ тылъ, который, по ихъ расчетамъ, очень справедливымъ, будучи защищаемъ развалинами, долженъ быть слабѣе фланговъ и фаса.

— Что же намъ дѣлать?...

— Спѣшить къ товарищамъ и предупредить ихъ объ угрожающей опасности.... Д*** договаривалъ еще послѣднія слова, какъ одинъ изъ абазиновъ, съ проворствомъ дикой кошки, прыгнувъ въ окно, прямо сѣлъ мнѣ на шею — и, потерявъ равновѣсіе, полетѣлъ навзничь.... Паденіе на меня его тяжелого тѣла было такъ неожиданно и жестоко, что я, вскрикнувъ отъ боли, судорожно сжалъ руки и невольно спустилъ курокъ ружья.... выстрѣлъ грянулъ, освѣтивъ мѣстность, и пуля съ визгомъ врѣзалась въ грудь горца. Дикій, пронзительный крикъ раздался подъ окномъ.... и одиннадцать выстрѣловъ одинъ за другимъ грянули надъ нашими головами.... Но ни одна пуля насъ не коснулась, благодаря стѣнѣ, къ которой мы плотно прижались, присѣвъ на корточки....

Наступила минута рѣшительная.... Силы были далеко не равны: самое отчаянное сопротивленіе не обѣщало ничего добраго.... Оставалось искать спасенія въ бѣгствѣ.... Будто сговорившись, мы разомъ пустили двѣ пули въ толпу враговъ, столпившихся у окна, и, быстро прыгнувъ чрезъ тѣло убитаго горца, стали пробираться впередъ. Но враги наши не зѣвали.... Местъ за убитыхъ товарищей, досада на неуспѣхъ ночной экспедиціи, жажда добычи и крови, — все призывало ихъ къ погонѣ.... И скоро услышали мы, какъ озлобленные наши преслѣдователи спотыкались и падали, вѣроятно при неудачныхъ усиліяхъ прыгнуть въ окно.... и вотъ шаги многихъ людей, громкій говоръ, ругательства и проклятія зазвучали подъ сводомъ монастыря....

— Прислонимся къ стѣнѣ: можетъ быть они пройдутъ мимо насъ, шепнулъ мнѣ товарищъ: — а на случай обнажимъ и шашки...

Но въ ту самую минуту грянулъ выстрѣлъ, свиснула пуля, и товарищъ мой покатился, раненый въ лобъ навыветъ....

Я чувствовалъ, какъ брызнули мнѣ въ лицо мозги и кровь его.... Голова моя кружилась и пылала....

....Мгновеніе — и я очнулся. Обнаживъ шашку, надъ трупомъ несчастнаго Д*** я рѣшился дорого продать жизнь. Ожесточеніе мое было такъ велико, что я безразсудно выстрѣлилъ въ толпу на-удачу и огнемъ выстрѣла показалъ непріятелямъ свое мѣсто... Страшные крики и проклятія загремѣли въ отвѣтъ на мою пулю... курки брякнули.... и я съ раздробленною колѣнкою покатился на холодный трупъ товарища... О, послѣ я завидовалъ ему!...

II.

РАЗГОВОРЪ СЪ АБАЗИНОМЪ. — КНЯЗЬ АСЛАНЪ-САДЕКЪ. — ПО-
ПЫТКА КЪ БѢГСТВУ.

Не знаю, скоро ли я очнулся.... Но пробужденіе мое было нерадостно: сумрачный свѣтъ сакли, закопченной снизу доверху, въ которой я лежалъ на грязномъ войлокѣ, показывалъ, что уже наступилъ вечеръ. Дождь, просачивая ветхую крышу, грязными потоками бѣжалъ по стѣнѣ, наводняя глинистый полъ и капая мнѣ на лицо.... Старая безобразная абазинка перевязывала мнѣ рану, надъ которой только-что окончилъ операцію горскій хирургъ, употребивъ быть можетъ при этомъ случаѣ вмѣсто всѣхъ инструментовъ свой неизмѣнный кинжалъ (*). Жажда мучила меня ужасно.... я выразилъ знаками мое желаніе, и ветхая мумія тотчасъ подала мнѣ въ солдатской манеркѣ воды отвратительнаго вкуса. Поблагодаривъ старуху и закашлявшись всею грудью, я потянулъ раненую ногу и къ великому моему изумленію рѣшительно не ощутилъ никакой боли. Это меня нѣсколько обрадовало и ободрило. Успокоившись нѣсколько и хорошо уяснивъ себѣ незавидное свое положеніе, я сталъ придумывать средства къ побѣгу.... Въ ту минуту на порогѣ сакли показался рослый абазинъ.... Страхнувъ съ бурки крупныя капли дождя и отеревъ ею же стволъ винтовки, горецъ закурилъ свою коротенькую трубку и сѣлъ противъ меня на мокрый полъ...

— А, *Иванъ*... глядишь!! (**) сказалъ онъ.

— Да, пріятель, отвѣчалъ я, стараясь казаться равнодушнымъ: — гляжу, гляжу больше часу, а все-таки кромѣ дряхлой старухи ничего не вижу съѣстнаго.... нѣтъ ли у тебя чего-нибудь посвѣжѣе.... хоть проса или чурека... не откажусь, пожалуй, и отъ шашлыка... за что преславная дочь Магомета — Фатима, да подастъ тебѣ конецъ своего пояса и проведетъ тебя чрезъ Эль-Сыратъ къ достославнымъ предкамъ....

Въ заключеніе моей витіеватой рѣчи, чтобъ абазинъ понялъ въ ней главное, я указалъ на раскрытый ротъ и сильно щелкнулъ зубами.

Пока жевалъ я жосткій чурекъ, съ опасностью изломать свои зубы, абазинъ рассказалъ мнѣ, нещадно коверкая русскій языкъ, о томъ, какъ я былъ захваченъ въ плѣнъ его пріятелемъ, какимъ-то княземъ изъ сосѣдняго аула; князь оставилъ меня здѣсь, пока я поправлюсь, и

(*) Дѣйствительно, операція была сдѣлана очень искусно, какъ говорили наши хирурги.... Пуля, раздробившая чашку правой ноги и остававшаяся тамъ шесть сутокъ, была вынута съ величайшею осторожностію....

(**) Вообще абазины, шапсуги, натухайцы и др., всѣхъ безъ исключенія, русскихъ мужчинъ зовутъ *Иваномъ*, женщинъ — *Марушка* (Марья).

обѣщалъ побывать на-дняхъ у своего кунака. Замѣчаніе, что со мною обходятся миролюбиво и снисходительно, нѣсколько поразсѣяло мои черныя мысли, отчего чурекъ исчезалъ довольно быстро къ немалому удовольствію моего хозяина, который по моему аппетиту заключилъ, что скоро отъ меня отдѣлается. Въ этотъ день со мною ничего не случилось замѣчательнаго, а ночь я проспалъ какъ убитый.

На-утро съ восходомъ солнца топотъ лошадей возвѣстилъ о пріѣздѣ князя съ его нукерами. Двое усатыхъ молодцовъ вошли слѣдомъ за моимъ владѣльцемъ въ саклю; князь былъ рослый дѣтина съ смуглымъ и загорѣлымъ, но довольно пріятнымъ лицомъ. Опрятность наряда и богатство вооруженія рѣзко отличали его отъ оборванныхъ нукеровъ. Онъ молча осмотрѣлъ мою рану и потомъ началъ ощупывать всѣ мои члены, будто желая узнать мое достоинство по качеству мяса.

Долго пропировавъ у своего кунака, князь передъ вечеромъ выѣхалъ изъ аула со мною и нукерами. По всему было замѣтно, что мои спутники, не исключая и князя, на этотъ разъ сильно преступили заповѣдь Магомета и порядочно подгуляли... особенно нукера, ѣхавшіе у стремянъ моихъ, кланялись каждому встрѣчному кусту и пригорку. Мы подвигались впередъ не торопясь... Я молчалъ, задумавшись; князь, играя звонкою уздечкою, напѣвалъ какую-то заунывную татарскую мелодію; слуги, опустивъ поводья и повѣсивъ носы, время отъ времени, повторяли сквозь зубы: *якши-іолъ!* предполагая быть можетъ, что они и теперь еще сидятъ на коврѣ пиршества, а не на хребтѣ лошади. Солнце давно уже скрылось за горы, и сырой туманъ, поднявшійся съ моря, пронялъ меня до костей. Прикрытый, однимъ «китилемъ», я сильно продрогъ и громко стучалъ зубами. Спустившись съ кремнистаго косогора, мы пустились рысью вдоль узкой и мрачной балки, впрочемъ довольно ровной. Тряска нѣсколько развлекла моихъ спутниковъ и прогнала ихъ дремоту. Чрезъ часъ довольно быстрой ѣзды князь остановился; сдѣлавъ знакъ рукою, онъ соскочилъ съ коня; мы послѣдовали его примѣру. Я и на этотъ разъ не лишенъ былъ счастья отвѣдать черстваго чурека.... Проклинаая незатѣйливый вкусъ и жалкую кухню горцевъ, я ѣлъ такъ усердно, что не замѣтилъ даже, что князь давно уже храпѣлъ, растянувшись на шолковой буркѣ... Нукера еще бодрствовали... Должно быть имъ приказано было стеречь меня... Но пророкъ, вѣроятно въ наказаніе за нарушеніе его заповѣди, минутъ чрезъ десять сомкнулъ глаза пьяныхъ нукеровъ.

Нукера спали мертвецки, князь храпѣлъ какъ разгоряченный конь; я одинъ бодрствовалъ... Мысль о побѣгѣ молніей сверкнула въ головѣ моей, сердце сильно забилося... Мѣшкать было нечего; случай, соблазнительный случай, такъ и протягивалъ руку. Но вотъ вопросъ: куда бѣжать?... я не знаю ни одной тропинки!.. и что будетъ со мною, если проснутся враги мои въ самую рѣшительную минуту?... Не перерѣзать ли ихъ?

Рука моя уже невольно потянулась за кинжаломъ, висѣвшимъ на животѣ у одного изъ нукеровъ; но разсудокъ скоро остановилъ дикое

побужденіе... Я всталъ, осмотрѣлся на всѣ четыре стороны и съ величайшею осторожностію, едва переводя дыханіе, началъ распутывать лошадей. Абазины спали. Обозрѣвъ снова окрестность, я замѣтилъ невдалекѣ узкое ущелье, которое какъ трещина въ скалѣ вилось пестрою змѣйкою между двухъ возвышенностей... Руки мои дрожали, сердце громко стучало въ груди... Прыгнувъ на коня и сильно ударивъ его ногами въ бока, я вихремъ понесся въ ущелье, застилая свой слѣдъ пылью и дождемъ мелкихъ кремней... Звукъ копытъ скоро разбудилъ враговъ моихъ... Я несся на-удачу, рискуя сломать себѣ шею... За мною гнались по пятамъ.

Между тѣмъ ночь заволокла небо черными тучами, вѣтеръ свиснулъ въ ущельяхъ и заплѣлъ свою обычную, заунывную пѣсню.... Лошадь моя безпрестанно спотыкалась, но я неумоимо билъ ее по крутымъ ребрамъ. Враги были близко... я слышалъ ясно ихъ неистовые крики и ругательства, эхо ущелья громко отвѣчало на ихъ: гяурь! гяурь! Одно мгновеніе—и они меня настигнуть... Вдругъ усталый конь, фыркнувъ, быстро отекочилъ въ сторону и сталъ какъ вкопанный всею силою переднихъ ногъ въ гранитъ. Я взглянулъ внизъ: почти подъ ногами моими бѣжалъ широкій ручей съ неистовымъ шумомъ и завываньемъ; его мутныя волны бѣшено прыгали черезъ камни и обдавали берегъ бѣлою пѣной.

Думать было нечего, выбирать не изъ чего: я слышалъ, какъ враги мои ввели курки!

Съ воплемъ, въ которомъ отзывались всѣ страшныя ощущенія, раздиравшія мою душу, гикнулъ я на измученную лошадь. Она взвилась на дыбы, метнулась вправо, потомъ влѣво, вытянулась, — и вода съ ревомъ растушилась, возмущенная нашимъ паденіемъ.... Вслѣдъ за тѣмъ два выстрѣла зарокотали надъ моею головою. Пуля, свиснувъ мимо моего уха, перелетѣла въ лѣсъ на противоположный берегъ; другая сорвала съ головы моей фуражку. Храпя всею грудью и собирая послѣднія силы, лошадь быстро выносила меня впередъ и впередъ, пробираясь между острыхъ камней, мелькавшихъ въ кипящей водѣ. Съ минуты на минуту ждалъ я смерти.... смерть была кругомъ меня... выстрѣлы не умолкали.... Не понимаю, какимъ образомъ миновала меня мѣтная черкесская пуля.... Но вотъ и берегъ: я спасенъ! Князь не рѣшился послѣдовать за мной.... Спрыгнувъ съ измученнаго коня, я съ любовью и благодарностію потрепалъ его крутую шею....

III.

ВТОРАЯ БѢДА. — ИСТОРІЯ НЕЙФТАЛИ. — МЕСТЬ ГОРЦА.

.... Но въ ту минуту стволъ винтовки уперся въ грудь мою.... Пораженный, я съ силою ударилъ по стволу и метнулся въ сторону.

— Ни съ мѣста! закричалъ кто-то дурнымъ русскимъ языкомъ. Въ ту же минуту кинжалъ былъ у моего горла.

— Русскій, ты мой плѣнникъ, продолжалъ неизвѣстный голосъ. — Я могъ бы убить тебя, но я поклялся щадить русскихъ!

— Хорошъ гусь! подумалъ я: — держить клятву, а ночи проводить въ лѣсу!

Повинуясь въ молчаніи своему року, измученный до послѣдней крайности, я опустился въ изнеможеніи на землю.... Рана моя открылась, и кровь съ силою обильно просачивалась черезъ нижнее платье; при помощи моего новаго владѣльца, я перебинтовалъ раненую ногу, унявъ теченіе крови.

Опершись на винтовку, горецъ стоялъ передо мной въ какомъ-то раздумьи. Это былъ человѣкъ средняго росту, лѣтъ тридцати пяти; широкіе плечи его прикрывалъ поношенный кафтанъ, на которомъ только мѣстами уцѣлѣли галуны, украшавшіе его въ старину; вообще нрядъ моего новаго господина представлялъ довольно странную смѣсь лезгинскаго съ абазинскимъ. Но не успѣлъ я кончить моихъ наблюденій, какъ задумчивый горецъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ты плѣнникъ князя Асланъ-Садека? спросилъ онъ: — и, кажется, сейчасъ бѣжалъ отъ него?...

Я утвердительно кивнулъ головою.

— О, князь! продолжалъ горецъ вполголоса, обернувшись къ ручью и устремивъ проницательный взоръ въ темную даль — Пришла пора поплатиться за кровную обиду.... Стой, князь!... руками твоего же плѣнника я передую твоихъ нукеровъ, а съ тобой перевѣдаюсь самъ.... Вотъ твой гостинецъ!

Горецъ съ злобною усмѣшкой потрепалъ рукоять дагестанскаго кинжала.

— До разсвѣта еще не близко, продолжалъ онъ: — а раньше утренней зари не взойти и моей зарѣ, которую жду я такъ долго.... Я знаю, князь прежде разсвѣта не рѣшится переправиться.

Горецъ замолчалъ. Черезъ минуту онъ сѣлъ подлѣ меня и заговорилъ такъ, обращаясь ко мнѣ:

— Русскій! окажи мнѣ одну услугу — и ты свободенъ; я укажу тебѣ дорогу къ друзьямъ твоимъ.... даже самъ пойду къ нимъ съ тобою.

— Что за странность? думалъ я: — какую могу я оказать ему услугу?

Онъ продолжалъ:

— До разсвѣта еще далеко.... Слушай: я расскажу тебѣ начало моей исторіи, конецъ ты можешь быть самъ увидишь.... И новый повелитель мой началъ свою повѣсть. Я передаю ее, разумѣется, съ нѣкоторыми измѣненіями, потому-что ни память моя, ни дурной выговоръ горца не позволяютъ сообщить ее слово-въ-слово.

«Я родился здѣсь, въ горахъ Абазіи. Отецъ мой былъ лихой наездникъ, его слава гремѣла изъ конца въ конецъ черноморскаго берега. Первый въ схваткѣ, первый за родину, онъ постоянно былъ

«въ наѣздахъ. Болѣе сорока нукеровъ служили ему, считая за честь
 «и счастье быть слугою и товарищемъ въ битвѣ храбраго Меджи-Али;
 «цѣлыя сотни барановъ паслись на лугахъ его. Домъ его былъ какъ
 «полная чаша,—всего вдоволь. Каждый странникъ переступалъ чрезъ
 «порогъ его съ лицомъ веселымъ и довольнымъ, благословляя имя
 «Меджи-Али. Я былъ любимый и единственный сынъ его. Природа
 «будто нарочно олицетворила во мнѣ всѣ черты, весь характеръ отца.
 «Удалѣе, ловче, красивѣе и счастливѣе Нейфтали (такъ называюсь я)
 «не было, кажется, въ цѣлой Абазіи.... О, юность!... счастливая, бла-
 «женная юность! гдѣ ты?... Князь Асланъ-Садекъ перерѣзалъ золо-
 «тую нить моего счастья....»

Рыданіе слышалось въ голосѣ горца, который видимо расчувство-
 вался. Онъ склонилъ голову, и черные волосы, выбившись изъ-подъ
 бараньей шапки, закрыли его лицо. Понятно, что я слушалъ моего
 повелителя съ глубочайшимъ вниманіемъ. Послѣ минутнаго молчанія
 онъ продолжалъ:

«Бывало, какъ горѣли завистью глаза молодыхъ горцевъ, когда я,
 «молодъ, удалъ и красивъ, мчался на лихомъ скакунѣ, среди наѣзди-
 «ковъ и джигитовъ. Казалось, тогда сердца нашихъ красавицъ бились
 «только для меня подъ чадрую. Отецъ мой умеръ. Я наслѣдовалъ его
 «славное имя и его богатство. Насъ осталось двое: сестра и я. Зюль-
 «ма слыла красавицею. Славные наѣзтники Абазіи искали сердца се-
 «стры моей.... въ числѣ ихъ былъ и.... будь онъ проклятъ! князь
 «Асланъ-Садекъ. Князь очень любилъ Зюльму, но она его ненавидѣла.

«Разъ ночью я слышу ужасный шумъ въ моемъ домѣ, меня бу-
 «дятъ.... Что за тревога? спросилъ я. Князь Асланъ-Садекъ похитилъ
 «твою Зюльму! сказалъ мнѣ любимый мой слуга. Какъ безумный
 «бросился я къ окну. Точно: пыль вилась изъ-подъ копытъ княжес-
 «каго скакуна; безчувственную сестру, перекинутую на сѣдлѣ, под-
 «держивала рука вора. Коня! винтовку! крикнулъ я и кинулся въ по-
 «гоню за княземъ. Лихой конь мой, казалось, на этотъ разъ получилъ
 «крылья: Князь былъ отъ меня на выстрѣлъ! я обнажилъ кинжалъ.
 «Злодѣй оглянулся. Если не мнѣ, такъ никому! крикнулъ онъ и
 «швырнулъ съ сѣдла обезглавленный трупъ Зюльмы.... Долго рыдалъ
 «я надъ прахомъ любимой сестры и тутъ же поклялся: не знать по-
 «кой и счастья, не вкушать радостей жизни, пока не источу кровь
 «по каплѣ изъ сердца убійцы, пока не смою позора и тоски моей
 «его кровью. Князь пропалъ безъ вѣсти. Потерявъ надежду утолить
 «мечь мою, я сталъ непохожъ на прежняго Нейфтали, которымъ гор-
 «дился аулъ нашъ.... Я исхудалъ, нравъ мой сдѣлался унылъ и су-
 «ровъ. Я возненавидѣлъ долины и горы моей родины, видѣвшія славу
 «отца моего и мой позоръ... Такъ прошелъ годъ. Наконецъ наскучи-
 «ла мнѣ безславная, праздная жизнь! я созвалъ молодцовъ джиги-
 «товъ, обѣщалъ имъ богатую добычу, плѣнниковъ, разгулъ, свободу—
 «и ринулся съ ними въ наѣзды на русскихъ. Въ схваткѣ подъ укрѣ-
 «пленіемъ С. К., гдѣ я свирѣпо рѣзался, окруженный тѣлами погиб-

«шихъ товарищей, русскій казакъ полоснулъ меня шашкой и сбиль
«съ коня. Раненый, я взятъ былъ въ плѣнъ и жилъ между русскими
«семь лѣтъ, присягнувъ на русское подданство. Видитъ Богъ! я вѣр-
«но исполнялъ мою присягу... я не хотѣлъ измѣнить ей! Недавно слу-
«чай привелъ меня въ крѣпость А. Я взглянулъ на мои родныя горы,
«вспомнилъ мою молодость, мой неотмщенный позоръ, и кровь загово-
«рила во мнѣ. Подъ рукою развѣдавъ о князѣ Асланъ-Садекѣ, я уз-
«налъ отъ мирныхъ абазинцевъ, что врагъ мой уже болѣе шести лѣтъ
«какъ опять явился въ своемъ аулѣ. Я не выдержалъ и бѣжалъ въ
«горы. И вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ какъ дикій звѣрь скитаюсь я въ
«окрестностяхъ родного аула, выжидая минуту мщенія. Наконецъ
«она настала. Сегодня я заарканю краснаго звѣрька; увидимъ, такъ
«ли храбръ кровный врагъ мой съ мужчинами какъ съ женщинами!»

Нейфтали презрительно улыбнулся и пристально посмотрѣлъ за ручей.

— Догадываешься, спросилъ онъ: — чего хочу я отъ тебя и ка-
кой требую услуги?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Не догадываешься? хорошо, я научу тебя, что надо дѣлать и
какъ услужить мнѣ. Слушай: теперь скоро князь покажется на про-
тивоположномъ берегу, чтобы переправиться сюда за ручей. Онъ бу-
детъ не одинъ: ты знаешь, съ нимъ два нукера. Его я буду выжи-
дать за кустами черешни, видишь? А ты... вотъ тебѣ винтовка, ты
долженъ во время переправы уговорить слугъ его. Дѣло нетрудное!
Ты качаешь головой? но не забудь, что тебя ждетъ хорошая награ-
да: свобода и родина! Да и что мѣшаетъ тебѣ исполнить мое жела-
нiе? Князь и его слуги развѣ не враги твоей родины и твои собст-
венные? Развѣ они не хотѣли убить тебя нѣсколько часовъ назадъ?

Я молчалъ.

— Раздумываешь!... Полно.... это рѣшено!... вотъ тебѣ винтовка...
я изъ нея не давалъ промаха.

Въ эту минуту князь и одинъ изъ его нукеровъ показались на кру-
томъ обрывѣ противоположнаго берега. Нейфтали кинулъ мнѣ винтов-
ку и скрылся за черешню. Я оглянулся: онъ взводилъ курокъ писто-
лета, нацѣливъ дуло его прямо мнѣ въ затылокъ. Убѣжденiе было такъ
краснорѣчиво, что судьба нукера тотчасъ рѣшилась: я прицѣлился
въ него. Лихой конь Асланъ-Садека быстро несъ его; за нимъ, отставъ
на нѣсколько шаговъ, слѣдовалъ слуга.

— Цѣль!... шепталъ Нейфтали: — вѣрнѣе... Бей!...

Курокъ брякнулъ; выстрѣлъ зарокоталъ надъ ручьемъ, и вслѣдъ за
тѣмъ протяжный стонъ несчастнаго вмѣстѣ съ проклятиемъ вырвался
изъ прострѣленной груди его. Испуганный конь, сбросивъ съ себя
окровавленнаго всадника, фыркая, отпрянулъ въ сторону и пронзи-
тельнымъ ржанiемъ предсказывалъ свою гибель въ страшномъ водо-
воротѣ.

Между тѣмъ князь приближался къ намъ, выправляя оружіе.... Свершивъ кровавое дѣло, я взглянулъ на Нейфтали, желая сказать ему взоромъ: «я сдѣлалъ свое».

Потомъ я сѣлъ за кустъ черешни, приготовясь смотрѣть развязку начатой драмы. Нейфтали былъ весь ожиданіе; глаза его горѣли огнемъ дикаго звѣрства; рука его дрожала, сжимая рукоять кинжала.

Наконецъ онъ пронзительно гикнулъ и въ одинъ прыжокъ очутился передъ княземъ, вышедшимъ въ ту минуту на берегъ.... Князь отступилъ шагъ назадъ и, обнаживъ шашку, бросился на своего врага; но ловкій Нейфтали удачно увернулся отъ удара; голыми руками вырвалъ онъ шашку изъ рукъ князя и швырнулъ ее далеко въ сторону. Вслѣдъ за тѣмъ сверкнули кинжалы.... Злобный хохотъ сопровождалъ каждый удачный ударъ Нейфтали; тяжелые стоны вырывались изъ груди князя, израненной мѣткими ударами противника. Асланъ-Садекъ простоналъ и рухнулъ на землю; дорогой клинокъ его кинжала выпалъ изъ ослабленныхъ рукъ и звеня о кремни покатился въ воду.... Обезображенное мстью лицо Нейфтали было ужасно: наступивъ ногою на грудь, онъ скрестилъ руки и нѣсколько минутъ въ молчаніи съ упоеніемъ любовался предсмертными его судорогами.... Глаза торжествующаго горца сверкали какъ уголья и, казалось, хотѣли сжечь посинѣлое лицо мертвеца, на которое еще струилась горячая кровь съ кинжала мстителя.

Конецъ! прошепталъ Нейфтали. Онъ отеръ полою княжескаго кафтана свой кинжалъ и подошелъ ко мнѣ.

— Теперь я снова слуга русскихъ, сказалъ онъ: — идемъ къ нимъ!

Черезъ полчаса медленной ходьбы горецъ остановился.

— Отдохнемъ, сказалъ онъ: — я измученъ и чувствую большую усталость!

Выбравъ оврагъ, поросшій по краямъ густою травою, которая могла защищать даже отъ палящаго солнца, мы позавтракали нѣсколькими горстями проса и, утомленные, скоро заснули.

IV.

ТРЕТЬЯ БѢДА.

Солнце стояло довольно высоко на горизонтѣ, когда я проснулся. Товарищъ мой еще крѣпко спалъ.... Проклятія вмѣстѣ съ именемъ Асланъ-Садека слышались на устахъ его; онъ весь вздрагивалъ, и рука его судорожно искала кинжала.... Желая прекратить тяжелый сонъ Нейфтали, я осторожно толкнулъ его.

— Уфъ!... какой страшный сонъ! сказалъ горецъ пробуждаясь: — мнѣ грезилось, будто Асланъ-Садекъ рѣжетъ сестру мою: кровь потоками льется изъ ея груди, она проситъ моей помощи, протягиваетъ ко мнѣ окровавленные руки, зоветъ меня по имени.... а я не могу

двинуться съ мѣста; какая-то невидимая сила меня удерживаетъ.... Я сталъ просить князя за сестру: онъ отвѣчалъ мнѣ хохотомъ.... Вдругъ свобода ко мнѣ возвратилась, съ проклятіемъ кинулся я на моего врага.... но тутъ ты разбудилъ меня.... Ну, а ты.... хорошо уснулъ?

— Хорошо. Только жажда мучить меня; кажется, вся грудь высохла.... Еслибъ хоть каплю воды, я воскресъ бы и безъ усталости шелъ бы впередъ до завтра.

— Такъ сходи, напейся, сказалъ Нейфтали.

— Куда?

— Вотъ тропинка (онъ указалъ налѣво): иди прямо по ней; за полуверсты отсюда течетъ ручей, чрезъ который ты вчера отправился.... иди скорѣй, я буду ждать тебя здѣсь.

Едва передвигая ноги, доплелся я до ручья и, спустившись по крутому берегу, жадно прицалъ къ холодной водѣ.

Вдругъ громкій говоръ раздался надъ моею головою.... Я оглянулся: человекъ пять абазинъ, между которыми можно было тотчасъ же узнать одного изъ нукеровъ убитого князя, быстро приближались ко мнѣ; послѣдній, указывая на меня, что-то съ жаромъ рассказывалъ своимъ товарищамъ. Признаюсь, въ первую минуту я совершенно растерялся. Но скоро оправившись и измѣривъ разстояніе, отдѣлявшее меня отъ недруговъ, я сталъ карабкаться по крутизнѣ, съ намѣреніемъ перерѣзать имъ дорогу и укрыться въ лѣсу. Абазины съ крикомъ и угрозами погнались за мною. Но вотъ и лѣсъ; собираю послѣдній остатокъ силъ и быстрымъ бѣгомъ кидаюсь въ чащу... Но вѣрно не пришелъ еще конецъ моимъ бѣдственнымъ приключеніямъ! Сдѣлавъ нѣсколько скачковъ впередъ черезъ рвы и пни, я запнулся, упалъ и покатился въ крутой оврагъ. Въ ту же минуту подоспѣли горцы и крѣпко связали меня.... Напрасно я призывалъ Нейфтали: только эхо да веселый смѣхъ горцевъ были отвѣтомъ на мои вопли, а нѣсколько ударовъ нагайкою по головѣ совершенно лишили меня чувствъ, и я уже не помню, какъ былъ привезенъ въ аулъ.

Была глухая полночь, когда я открылъ глаза.... Я чувствовалъ невыносимую боль и шумъ въ головѣ, дрожь пробѣгала по всѣмъ моимъ членамъ.... Мало-по-малу боль въ головѣ утихла, а ознобъ перешелъ въ сильный жаръ; желая отереть крупныя горячія капли поту, выступившія на моемъ лбу, я съ ужасомъ замѣтилъ, что руки мои связаны за спиною. Припомнивъ прошедшее и сообразивъ, что нукеръ убитого князя видѣлъ весь поединокъ своего господина съ Нейфтали и мое участіе въ немъ, я пришелъ въ неописанный ужасъ: нѣтъ сомнѣнія, муки невыносимыя ожидаютъ меня за смерть нукера и Асланъ-Садека!

Голая и сырая земля служила теперь мнѣ постелью; я лежалъ, брошенный въ какую-то яму или погребъ. Надо мною чернѣлъ сводъ неба, усыянный звѣздами.... Ночь была спокойна и тиха, изрѣдка лай собакъ нарушалъ ея тишину... Но вотъ чьи-то осторожные

шаги зазвучали надо мною, и скоро земля, надавленная ногою незнакома, посыпалась мнѣ на лицо съ закраинъ ямы.

— Иванъ, спишь? слышалось сверху.

— Нейфтали.... это ты?

— Тс.... тише!... я.

И нѣсколько кусковъ чурека полетѣли мнѣ въ голову.

— Подкрѣпись, пріятель!... Поколотить тебя не забыли, а поѣсть-то ужъ вѣрно не дали!...

— Спасибо, добрый Нейфтали....

— Ну, пріятель, дѣло очень плохое: убійство князя и своего товарища уцѣлѣвшій нукеръ свалилъ на тебя; братъ Асланъ-Садека, Астанъ-Гари, пріѣхалъ сюда вечеромъ и завтра увезетъ тебя въ свой аулъ. Если не спасешься отъ рукъ его, бѣды не миновать!... Тебя хотятъ казнить въ первый осенній праздникъ, который будетъ ровно черезъ два мѣсяца.

— Боже мой, Боже мой! простоналъ я: — неужели, Нейфтали, нѣтъ никакихъ средствъ къ моему спасенію?

— По-крайней-мѣрѣ теперь, отвѣчалъ горецъ: — я, право, не вижу никакихъ. Я въ плати абазинца еще могу бродить по аулу, да и то за мною примѣчаютъ.... А тебѣ-то какъ?...

Зная, какъ жестоко мстятъ горцы своимъ плѣнникамъ, я рѣшилъ, что гораздо выгоднѣе умереть теперь, чѣмъ дожидаться ихъ мучительной казни.

— Послушай, Нейфтали! сказалъ я: — за услугу услугу!... Возьми камень и швырни мнѣ въ голову.... Ради Бога! прошу тебя!...

— Вздоръ, пріятель!... Не забывай, что еще цѣлыхъ два мѣсяца до твоей казни; время немалое: еще множество средствъ найдемъ къ твоему побѣгу. Прощай.... надѣйся на меня.... сторожь близко, боюсь: замѣтитъ.... Не унывай, Иванъ!

Нейфтали исчезъ.... я задумался; долго я думалъ и наконецъ принялся подкрѣплять свои силы чурекомъ....

V.

СТРАШНЫЙ СОНЪ И СТРАШНАЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. — БѢГСТВО. —
ЧЕТВЕРТАЯ БѢДА.

По переесленіи моемъ въ аулъ Дазари, гдѣ жилъ Астанъ-Гари, настала для меня жизнь мученика. Ночи проводилъ я скованный ржавою цѣпью, въ сырой и грязной ямѣ, которая была нарочно для меня выкопана подлѣ не слишкомъ роскошной сакли моего владѣльца. Цѣпь была тяжела и такъ коротка, что я долженъ былъ даже спать сидя.... Съ выходомъ солнца, за мною приходилъ молодой пастухъ Юзефъ, которому опредѣлили меня помощникомъ. Но положеніе мое не улучшалось, когда, выходя на работу, я освобождался отъ тяжелой

цѣпи, оставаясь только въ наручникахъ (*); напротивъ, оно становилось хуже: пастухъ обходился со мною жестоко, безпрестанно приводя въ движенія то языкъ свой, вооруженный ругательствами, то длинный арапникъ.... Такія «ласки» онъ щедро расточалъ мнѣ за то, что родной братъ его когда-то былъ убитъ казаками... Здѣсь я терпѣлъ столько, сколько можетъ вынести человѣческое терпѣніе. Пищу я получалъ съ того же блюда, съ котораго лакомились и моя сосѣдка — огромная борзая собака шайтанъ; она была единственнымъ моимъ товарищемъ.... Съ первыхъ же дней моего пребыванія здѣсь, шайтанъ, будто понимая мою горькую участь и сожалея о ней, удивительно привязался ко мнѣ... Его наивныя ласки, особенно послѣ ударовъ пастуха, глубоко меня трогали.... Повѣрить трудно, какъ былъ великодушенъ мой четвероногий товарищъ.... Случалось даже, что онъ отказывалъ себѣ въ законной половинѣ попортившагося шашлыка, который кидала намъ благотворительная рука нашего общаго владѣльца.... Въ сырыя и холодныя ночи шайтанъ приходилъ ко мнѣ въ яму и согрѣвалъ мнѣ грудь и ноги, ложась на нихъ. Такъ шло время моей неволи. Ничего не было утѣшительнаго въ настоящемъ, а будущее грозило мучительной и ужасной смертью... И близился быстро часъ безславной моей гибели... Кровь застывала въ жилахъ моихъ, при мысли о страшныхъ мукахъ, которыя ожидали меня...

Въ одну ночь тяжелыя мысли съ особенной неотвязчивостью налегали на мою душу. Лаская единственнаго товарища моей неволи — неразлучнаго шайтана, я не могъ сомкнуть глазъ. Воспоминанія о родинѣ, родныхъ и друзьяхъ упорно волновали мое воображеніе. Была минута, когда я чуть не принялся грызть глухо звенѣвшую цѣпь свою, въ безумной жадѣ свободы... потомъ, обезсиленный, измученный душевнымъ волненіемъ, съ рыданьемъ и воплями отчаянія, опускалъ я горячую голову на косматую шерсть шайтана. Будто отвѣчая на мои стоны, добрый песъ ласкался ко мнѣ и, съ тихимъ унылымъ визжаньемъ, лизалъ мои руки... Право, иногда я начиналъ думать, что шайтанъ смотритъ на меня глазами, выражающими состраданіе... Понемногу я успокоился, и снова мысль о побѣгѣ овладѣла мной безраздѣльно. Хладнокровнѣе обсуживая свое положеніе и перебирая всѣ средства къ побѣгу, казавшіяся сколько-нибудь возможными, я наконецъ остановился на одномъ... И оно показалось мнѣ до того събыточнымъ, что я въ восторгѣ сильно сжалъ голову моего товарища; шайтанъ завизжалъ довольно громко; но, къ счастью, горцы, утомленные въ тотъ вечеръ какимъ-то предъ-праздничнымъ обрядомъ, спали глубокимъ сномъ. Въ аулѣ и кругомъ его продолжалась прежняя тишина. Ночь проходила, востокъ начиналъ уже румяниться; но тутъ какъ нарочно меня стало смертельно клонить ко сну... Зная, что скоро явится грозный пастухъ, я всячески старался превозмочь дремоту;

(*) Желѣзная цѣпь величиною безъ малаго въ аршинъ, привязанная къ рукамъ кожею.

но усилія мои были напрасны: пригрѣтый горячимъ дыханіемъ собаки, я заснулъ, прислонивъ голову въ сырой уголъ ямы... Тогда привидѣлся мнѣ страшный сонъ, который я передаю здѣсь, чтобъ дать вамъ понятіе о картинѣ безпрестанныхъ ужасовъ, наполнявшихъ мое больное воображеніе. Я видѣлъ, будто бы Астанъ-Гари собралъ у моей ямы весь аулъ... Горцы свирѣпо смотрѣли на меня, опустивъ руки на рукоятъ своихъ кинжаловъ. — Вотъ, сказалъ Астанъ-Гари, указывая на меня: — этотъ гяуръ съ другимъ злодѣемъ зарѣзалъ брата моего храбраго Астанъ-Садека, джигита изъ джигитовъ славной Абазіи.. Братья!.. Кровь вашего соплеменника вопіетъ о мщеніи!.. — «Растерзать его!.. разорвать!.. искрошить шайтану на шашлыкъ!» крикнула кровожадная толпа... Такъ, да погибнетъ онъ! громко сказалъ Астанъ-Гари. — «Гибни, гяуръ... гибни! заревѣли горцы... кинжалы сверкнули; и толпа съ гикомъ и воплями кинулась ко мнѣ... Но вдругъ, какимъ-то чудомъ, цѣпи спали съ меня.... Свободный, я въ одинъ мигъ далеко оставилъ за собою изумленную толпу... Черезъ минуту я очутился въ какомъ-то подземельи; мракъ и сырость царствовали тамъ; мнѣ слышались отдаленные голоса, ревъ и свистъ... Я шелъ машинально, потерявъ рассудокъ и память. Вдругъ знакомые предметы мелькнули вдали... наконецъ я узналъ окно моего дома... у окна мелькнула знакомая тѣнь... я вскрикнулъ отъ радости... и въ ту же минуту арапникъ, свиснувъ подъ моимъ ухомъ, змѣею обвился около моего тѣла.. шайтанъ съ визгомъ выскочилъ изъ ямы, я застоналъ и проснулся... передо мною стоялъ Юзефъ... Мы погнали стадо...

Обдумавъ ночью мой планъ и твердо рѣшась привести его въ исполненіе, я приготовился по первому удару Юзефа доказать ему мою силу... Мы шли за стадомъ по обыкновенію молча и скоро спустились въ балку (мѣсто паствы). Солнце давно уже обливало своими лучами верхи холмовъ, усѣянныхъ саклями; но аулъ Дазари спалъ еще, и ни одной бороды, ни одной чадры еще не показывалось на порогахъ грязныхъ и бѣдныхъ жилищъ его. Легкій вѣтерокъ, навѣвая пріятную прохладу, шелестилъ вѣтвями чинарнаго лѣса, который былъ мраченъ и густъ какъ борода дагестанскаго муллы. Вдругъ одинъ изъ барановъ довольно далеко отсталъ отъ своего стада, я не замѣчалъ этого и шелъ повѣся голову. Но Юзефъ тотчасъ напомнилъ мнѣ мою обязанность ударомъ арапника... Боль и досада заговорили въ душѣ моей; кровь бросилась въ голову; я отпрыгнулъ назадъ и, скрестивъ руки, такъ, что наручная цѣпь съ замкомъ совершенно отвисла, со всего размаху ударилъ ею по виску горца... Онъ глухо простоналъ и стиснувъ зубы рухнулъ на землю... Мутный взоръ его остановился неподвижно; ни одного вздоха, ни одного звука не вылетѣло изъ его груди... Я оглянулся: аулъ спалъ; значитъ, не было ни одного живого свидѣтеля моего убійства, — ни одного, кромѣ безсловесныхъ четвероногихъ! Какъ я уже сказалъ прежде, обдумавъ заранѣе, что буду дѣлать, въ случаѣ удачной попытки убить моего палача, я, дрожа

всѣмъ тѣломъ, приступилъ къ исполненію моего плана: трепещущею рукою отстегнулъ я поясъ пастуха съ кинжаломъ, снялъ винтовку и бросился къ лѣсу... Но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я тотчасъ же рѣшился воротиться за нѣсколькими патронами пороху, небольшимъ запасомъ пуль и нѣсколькими пригоршнями проса. Безъ такого запаса пастухъ никогда не покидалъ аула. Поправивъ первоначальную оплошность, я безпрепятственно достигъ лѣса... Здѣсь съ неимоверными усиліями, при помощи кинжала, я освободился отъ наручной цѣпи, браслеты которой, какъ я уже сказалъ, были кожаные. Пройдя не болѣе двухъ верстъ, я изорвалъ въ клочки всю верхнюю одежду и исцарапалъ лицо, задѣвая за молодые сучья чинаръ. Вдругъ далекій лай собаки раздался въ лѣсу, и эхо громко отвѣтило на него... Прислушиваюсь — и узнаю лай шайтана!.. Гибель, неизбежная гибель: нѣтъ сомнѣнія, что за мной гонятся! Я бросился въ сторону и быстро взбѣжалъ на холмъ, давно замѣченный мною въ чащѣ лѣса, надеясь найти въ немъ пещеру и укрыться въ ней...

Все ближе и ближе слышатся прыжки шайтана и трескъ валежника, ломающагося подъ его ногами... Я остановился и сталъ заряжать винтовку... Въ ту минуту шакалка, испуганная моимъ приближеніемъ, какъ молнія промчалась мимо ногъ моихъ и кинулась на-перерѣзъ собакѣ. Шакалка была моею спасительницею!.. Шайтанъ тотчасъ же пустился ее преслѣдовать, за нимъ кинулись и другія собаки... Горцы, полагая, что собаки напали на мой настоящій слѣдъ, съ ободрительными криками побѣждали за своей стаей, въ сторону, совершенно противную той, гдѣ я находился...

Такъ въ нѣсколько минутъ разразилась надъ самой головой моей и благополучно миновала новая опасность. Но идти дальше я ужъ не могъ: рана моя снова открылась, когда, заслышавъ лай собаки, я споткнулся при ускоренномъ бѣгѣ и упалъ.

VI.

ПЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ БѢДА.

Усталый, мучимый невыносимою болью, я опустился на землю, превратилъ послѣднюю сорочку въ бинты и перевязалъ свою рану.

Отдохнувъ и подкрѣпивъ свои силы горстью проса, я почувствовалъ, что боль въ ногѣ моей начала уменьшаться, и рѣшился продолжать путь.

Смеркалось. Лучи солнца уже не пробивались сквозь вѣтви вѣковыхъ чинаръ; наступившій прохладный вечеръ предвѣщалъ холодную ночь; нужно было подумать о ночлегѣ... Медленно подвигаясь впередъ, я увидалъ высокую и густую чинару, которая на ту ночь и послужила мнѣ пристанищемъ. Съ немалымъ трудомъ вскарабкавшись на половину всей высоты ея и выбравъ двѣ твердыя, удобныя вѣтви,

я выстлалъ ихъ прутьями и листьями: такова была моя походная койка! Давно не случалось мнѣ лечь такъ покойно и даже съ такимъ удобствомъ, но сонъ не смыкалъ глазъ моихъ. Смутный, неподвижный взоръ убитого пастуха, лай собакъ и дикіе крики моихъ преслѣдователей, — всѣ разнородныя и страшныя событія дня безпрестанно тревожили мое воображеніе, и безъ того беспокойное.... Настала мрачная ночь.... Ветеръ зашелестилъ косматымъ лѣсомъ; совы начали пронзительно вскрикивать, имъ отвѣчалъ заунывный вой голодныхъ шакаловъ. Этотъ концертъ, отъ котораго волосы на головѣ моей подымались дыбомъ, продолжался до утра, которому, признаюсь, я очень обрадовался. На зарѣ я уснулъ глубокимъ сномъ и проснулъ до полудня....

Такъ проводилъ я дни и ночи, держа путь свой на югъ.... Наконецъ минуло двѣ недѣли моего тяжкаго странствованія; въ теченіи ихъ я разстрѣлялъ почти всѣ патроны и истребилъ изрядное количество куропатокъ и фазановъ. Близилась новая бѣда.... Кончился лѣсъ, а съ нимъ вмѣстѣ исчезло и послѣднее средство къ утоленію голода. Я вышелъ на необозримую степь, гдѣ изрѣдка встрѣчались мѣловыя возвышенности. Въ абазскихъ степяхъ, подобно крымскимъ, водится дичь, но въ мѣньшемъ количествѣ. Впрочемъ, разумѣется, хватило бы на мою долю, но бѣда въ томъ, что у меня оставался только одинъ патронъ, который дѣлать не было никакой цѣли: пуля была тоже только одна. А между тѣмъ я не зналъ, скоро ли кончится мое странствованіе; притомъ истертыя и израненныя ноги мои рѣшительно отказывались служить мнѣ.

Прошло три мучительные дня съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ въ степь; въ продолженіи ихъ жажда и голодъ мучили меня невыносимо.... Истощеніе было такъ велико, что я какъ помѣшанный то опускался на землю, то принимался бѣжать, то снова со стономъ упadalъ... Наконецъ твердость меня покинула. Я легъ и готовился умереть. Вдругъ надъ головою моею мелькнула птица, засвистѣвъ широкими крыльями: ея породы я не могу опредѣлить.... Въ минуту бодрости воротилась ко мнѣ, я прицѣлился, спустилъ курокъ и обѣдъ упалъ къ моимъ ногамъ. Удовлетворивъ долгій и мучительный голодъ, я заснулъ, пригрѣтый солнцемъ.

.

— Иванъ.... Иванъ!... Проснись!... шепталъ кто-то, толкая меня прикладомъ винтовки.

Я открылъ глаза: передо мною стояли три горца: у одного изъ нихъ блестѣлъ на груди крестъ св. Георгія. Радость моя была неопи- санна; я какъ безумный кинулся обнимать тѣхъ, въ комъ тотчасъ же узналъ моихъ избавителей — мирныхъ абазинцевъ. Въ короткихъ словахъ я объяснилъ имъ мое положеніе, и чрезъ нѣсколько дней они доставили меня въ коменданту крѣпости А., гдѣ скоро я обнялъ мо-

ихъ друзей и товарищей, а чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ и родныхъ....

Такъ кончилась исторія моего тяжкаго плѣна...

КАВАЛЕРЪ ДЕ-МЕРЕ

или

О порядочномъ человѣкѣ въ XVII столѣтїи.

Статья Сен-Бѣва.

Читать все, что написалъ кавалеръ де-Мере, бесполезно; почитать кое-что изъ его сочиненій — это другое дѣло. Судя по его напечатаннымъ письмамъ и разсужденіямъ, онъ слылъ за человѣка болѣе любезнаго, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Можно подозрѣвать, что онъ былъ изъ числа людей *легкомысленныхъ въ серьезномъ и педантовъ въ легкомысленномъ*; какъ бы то ни было, но онъ былъ человѣкъ съ большимъ умомъ, обращавшійся съ тѣмъ, что позначительнѣе въ наукахъ и при дворѣ, въ извѣстную эпоху (отъ 1649 до 1664). Ошибка его состояла въ томъ, что онъ принималъ слишкомъ буквально и слишкомъ серьезно эту тонкую, нѣжную роль и заходилъ далеко тамъ, гдѣ нужно коснуться лишь слегка. О Бенесрадѣ сказали, что онъ былъ Вуатюръ въ излишнихъ размѣрахъ: кавалеръ де-Мере представляетъ тоже самое. Несмотря на свои недостатки или, пожалуй, по причинѣ своихъ недостатковъ, де-Мере есть *типъ*, и если кому угодно изучить характеръ, бывшій въ чести въ XVII вѣкѣ, то всего лучше, да и удобнѣе, обратиться къ кавалеру.

Въ то время были люди, которые намъ представляютъ и олицетворяютъ собою идею *порядочнаго человѣка (honnête homme)*, какимъ понимали его тогда. Де-Мере много размышлялъ объ этомъ идеалѣ, старался опредѣлить его, обозначить условія, для него необходимыя, размышлялъ о совокупности качествъ, его составляющихъ. Учитель танцованія не всегда тотъ, кто танцуетъ лучше другихъ; но если какой-нибудь старинный учитель, славный въ свое время, написалъ что-нибудь, что касается его искусства, и если это искусство находится въ упадкѣ, то остается прибѣгнуть къ тому, что онъ написалъ.

Выраженіе *приличный человѣкъ* въ XVII вѣкѣ вовсе не означало простого, общаго понятія, которое оно означаетъ въ наше время. Слово это имѣло на французскомъ языкѣ много значеній, точно такъ, какъ по-гречески слово *мудрецъ*. Въ эпоху праздности къ нему примѣшивали много лишняго; мы принимаемъ его лишь въ строгомъ смыслѣ. Вообще *приличный человѣкъ (honnête homme)* характеризовалъ человѣка *порядочнаго*, а условія для *человѣка порядочнаго (comte*

IV.

СМѢСЬ.

ІЮЛЬ.

Стран.

Три мѣсяца въ плавну у Горцевъ	1
Кавалеръ де-Мере или о порядочномъ человѣкѣ въ XVII столѣтїи. Статья Сен-Бёва	18
Путешествіе англійскаго туриста по востоку. Статья пятая	32
Вліяніе кислорода на біеніе сердца	49
Исполинскій цвѣтокъ рафлезія	51
Современныя замѣтки.	

АВГУСТЪ.

Путешествіе англійскаго туриста по востоку. Статья шестая и послѣдняя	63
Извлеченіе изъ двухъ писемъ о лиссабонскомъ землетрясеніи	92
Воздѣлываніе шолку въ Европѣ	94
Современныя замѣтки.	

V.

МОДЫ.

(Съ двумя картинками). Переписка между петербургцемъ и провинціаломъ	1—12
--	------

